

«НЕЗАВИСИМАЯ» ПОБЕДИЛА

Роман Андрея Волоса удостоен Государственной премии

Независимая газ. — 2001. — 15 июня — с. 9

Свершилось. В День независимости России объявлены лауреаты Государственной премии 2000 года. Среди соискателей в области литературы был Андрей Волос — в списке значился его роман «Хуррамабад», опубликованный Издательством «Независимая Газета». И вот результат: награда наша нашего героя. Отныне «Хуррамабад» увенчан лаврами государственного значения.

Отрывки из романа появились в свое время в журналах «Новый мир» и «Знамя», но интереса у критики отчего-то не вызвали. Три года назад рукопись была представлена на конкурс Антибукера и получила премию в номинации «Братья Карамазовы» за 98-й год. Издатели, однако, не торопились публиковать «Хуррамабад». Он вышел. И был вдобавок удостоен итальянской премии «Пенне»...

Поздравляя Андрея Волоса с новым лауреатством, мы провозгласим: «За вашу и нашу победу!» Приятно убедиться в своей правоте. «И пусть, — как гласит девиз Антибукера, — будет стыдно тому, кто плохо об этом подумает...»

Мария Ремизова

ПРИНЯТО думать, что гармонию изобрели древние греки. Это не так. Задолго до греков ее изобрели китайцы. И когда Карл Маркс сочинял известную формулировку про единство и борьбу

противоположностей, он ориентировался, конечно, на первооткрывателей принципов инь и ян.

Деятельность Государственного жюри является лишь малой частью общей гармонии вселенной. И потому волей-неволей подчиняется ее законам. Рискнем проанализировать двух победителей литературного забега — роман Андрея Волоса «Хурра-

мабад» и роман Владимира Войновича «Монументальная пропаганда» — с точки зрения их общелитературного значения.

«Хуррамабад» написан в строгой реалистической манере. Как будто не заметив, точнее, не пожелав заметить витавшего над изысканной словесностью последних десяти лет игриво-легковесного духа, Волос поставил себе целью рассказать о том, как саднит больное, как люди всерьез живут, страдают, радуются, ошибаются — и снова страдают, теряют — и снова живут... Или их убивают...

«Хуррамабад» классичен — он построен на устойчивой концепции мира, где, естественно, во главу угла поставлен человек. Персонажи «Хуррамабада», как правило, обыкновенные люди, и жизнь их могла бы протекать совершенно обыкновенно, не случись распада империи. Исторический сдвиг дал Волосу возможность взглянуть на простых людей, лишенных возможности вести простую жизнь. Эксперимент привел к войне. Война — к жертвам. Жертвы — к возможности художественной рефлексии.

«Монументальная пропаганда» Владимира Войновича стоит на совершенно иных принципах. Войнович тоже рассматривает исторический слом — сначала отталкивающую смену вех, потом перестроенную. Его персонажи тоже мало чем примечательны. Главная характеристика героини — ярая сталинистка, — как раз и указывает на ее детерминированность эпохой, правда, это качество ей удается пронести через годы, но это, положим, не такая уж редкость. Важно другое. Важна принципиальная разница в углах зрения.

У Волоса интерес к персонажам направлен вглубь, к психологическому портрету. Войновичу его герои, по существу, глубоко безразличны — они лишь служебный материал для иллюстрации идейных установок автора. Разница между ними как между живым и неживым, человеком и куклой. Поэтому, что бы ни происходило в «Монументальной пропаганде», никакого сопереживания этот сюжет вызвать не может: по большому счету «Монументальная пропаганда» — литературный мультфильм, где не страшно, что нарисованной фигурке оторвут голову или вся она целиком разлетится на тысячу кусков (что, между прочим, и происходит в финале, когда взрывается целый дом) — фигурки не умирают, потому что отродясь не жили.

«Монументальная пропаганда» написана по законам фарса. Поступки утрированы, мотивировки прямолинейны, события развиваются по принципу нанизываемых бус. Войнович монументально возвышается над сочиненными им пигмеями, точно Человек-гора — с той только разницей, что эта гора и родила этих мышей. Войнович от

Владимир Войнович — писатель-сатирик.
Фото Артема Житенева (НГ-фото)

души веселится над их глупой ограниченностью, вынуждая совершать нелепости и выглядеть идиотами. Единственное, что смущает в этом злорадном веселье — это упрямая уверенность автора в своем бесконечном превосходстве. Он смеется над идеологической узостью, обнаруживая столь же неприятную категоричность. Знаки «плюс» и «минус» расставлены здесь с каллиграфической точностью прилежного ученика. Поэтому здесь нет места для рефлексии. Пропаганда — она и есть пропаганда.

В «Хуррамабаде» идеологии нет. Да и за что ей было бы тут уцепиться, если Волос показывал частную жизнь.

Аглая Ревкина перенесла к себе в квартиру памятник Сталину, предназначенный к сносу («Монументальная пропаганда»). История про Аглаю теоретически могла бы войти в «Хуррамабад» — как очень маленькая деталь: бывают же чудные люди. В «Хуррамабаде» есть всякие. Можно поди-

виться наивности героя новеллы Волоса «Свой» — русский человек с высшим образованием переехал зачем-то в Таджикистан, чтобы стать подсобным рабочим в грязной пирожковой на городском рынке. И в конце концов был убит — не как русский, а как таджик — приняли-таки за своего, только не за того, кого нужно.

Но у Волоса Аглая скорее всего приобрела бы другие черты. Не обязательно похорошела бы — может, стала бы хуже и гаже. Но наверняка обрела бы многомерность. Войнович награждал ее только чертами эмблемы. Волос пробует наделять своих персонажей прежде всего жизнеспособием. Жизнеспособие же всегда предполагает неоднозначность, многослойность, противоречие. В искусстве главное — недосказанность. Впрочем, никто не отменял того, что герои своих надо любить...

Андрей Волос — лауреат трех литературных премий.
Фото Артема Чернова (НГ-фото)

